



Jutta Richter

Ich bin
hier bloß
das Kind

*Gestaltung und Illustration
Hildegard Müller*

Carl Hanser Verlag

Ютта Рихтер

Я всего
лишь
Ребёнок

*Иллюстрации
Хильдегарды Мюллер*

УДК 821.112.2-053.5
ББК 84(4Гем)6-44
P55

Перевод с немецкого Дарьи Андреевой

Рихтер, Ютта.

P55 Я всего лишь ребёнок : [для мл. шк. возраста : 6+] / Ютта Рихтер ; ил. Хильдегарды Мюллер ; [пер. с нем. Д. Андреевой]. — М. : КомпасГид, 2018. — 96 с. : ил. — (Кто в доме хозяин?). ISBN 978-5-00083-499-2

Мир взрослых так непонятен и непредсказуем! В этом Ханна убеждается каждый день. Сегодня, например, она разозлилась и вылила своей однокласснице на голову какао. А мама, вместо того чтобы отругать, хохотала до упаду и даже хвалила: «Просто великолепно!» Ну как такое возможно?! А на днях бабушка пообещала подарить Ханне котёнка —несмотря на то что мама категорически против. Как они будут между собой разбираться?! Лучше даже не представлять, а тихо радоваться про себя обещанному подарку.

Вообще жизнь Ханны не проста. То надо объяснить папе, почему котёнок Лапочка расцарапал кожаное сиденье мотоцикла. То пережить месть одноклассника Леонарда, который якобы из-за неё опоздал на урок. В этот трудный момент у девочки появляется лучшая подруга Зоя. Она обязательно подскажет, как действовать!

Авторы книг серии «Кто в доме хозяин?» замечательно умеют перевоплощаться — как будто они и правда увидели мир чужими глазами. В издательстве «КомпасГид» уже вышли повести «Я всего лишь собака» Ютты Рихтер, «Я всего лишь кошка» Ханны Йохансен и «Я всего лишь хомяк» Фридберта Штонера. Монологи девочки продолжают полюбившуюся многим читателям коллекцию. Невероятно наблюдательные, уморительно смешные и по-настоящему трогательные книги заслуженно стали бестселлерами и нашли отклик у многих детей и взрослых.

УДК 821.112.2-053.5
ББК 84(4Гем)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as *Ich bin hier bloß das Kind* by Jutta Richter, illustrated by Hildegard Müller
© Carl Hanser Verlag, München, 2016
© Издание на русском языке.

ISBN 978-5-00083-499-2

ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

Глава первая, в которой я знакомлю вас со своей семьёй





Меня зовут Ханна, и я всего лишь ребёнок. На самом-то деле меня зовут Йоханна Мария Магдалена Книспель. Но так, конечно, ко мне никто не обращается.

Вот уже пару недель мы живём на улице Мюленвег, 13.

Здесь очень здорово, и я никогда отсюда не уеду.

Мама говорит, все дети рано или поздно уезжают. Мама говорит, иначе и быть не может. Дети вырастают и улетают из гнезда. Погоди, говорит мама, ещё увидишь.

При этом у мамы на лице написано: уж я-то знаю, о чём говорю. Брови вздёрнуты, чёрные глаза распахнуты, губы поджаты.

Но вы не верьте: всё это не про меня. Я точно знаю, что мама ошибается.

Во-первых, я никогда не вырасту, а во-вторых, не хочу я никуда улетать — разве

что на каникулах, да и то недельки на три, не больше.

Ведь дома так здорово. У меня целых две комнаты: игровая и спальня. Не верите? Вот-вот, я тоже не сразу поверила.

Меня вечно отправляют спать очень рано — тебе завтра в школу, тра-ла-ла. Но вот около одиннадцати я просыпаюсь. В гостиной шум.

Мама кричит:

— Вот оно, именно это я искала!

— Да ты с ума сошла, — отвечает Эберхард. — Это же развалюха! Год постройки — 1748. Даже думать забудь!

— Но с виду прекрасный дом, — возражает мама. — А цена! Ты только посмотри! Да мы хоть сейчас можем заплатить всю сумму! А в пристройке у тебя будет отдельная комната для мотоцикла! Да что там комната — хоть две! Две, слышишь?

После этих слов в гостиной воцаряется тишина. Чтобы вы знали, в жизни Эберхарда Майстерманна есть три святыни: семья, то есть мы с мамой, — это раз, всласть подряхнуть утром в воскресенье — это два, а три — это мотоцикл. Огромный БМВ, на котором раньше ездили полицейские, вот уже два года живёт в нашем гаражике.

— Тысячи мальчишек стали полицейскими лишь ради того, чтобы оседлать такой мотоцикл! — любит повторять Эберхард.

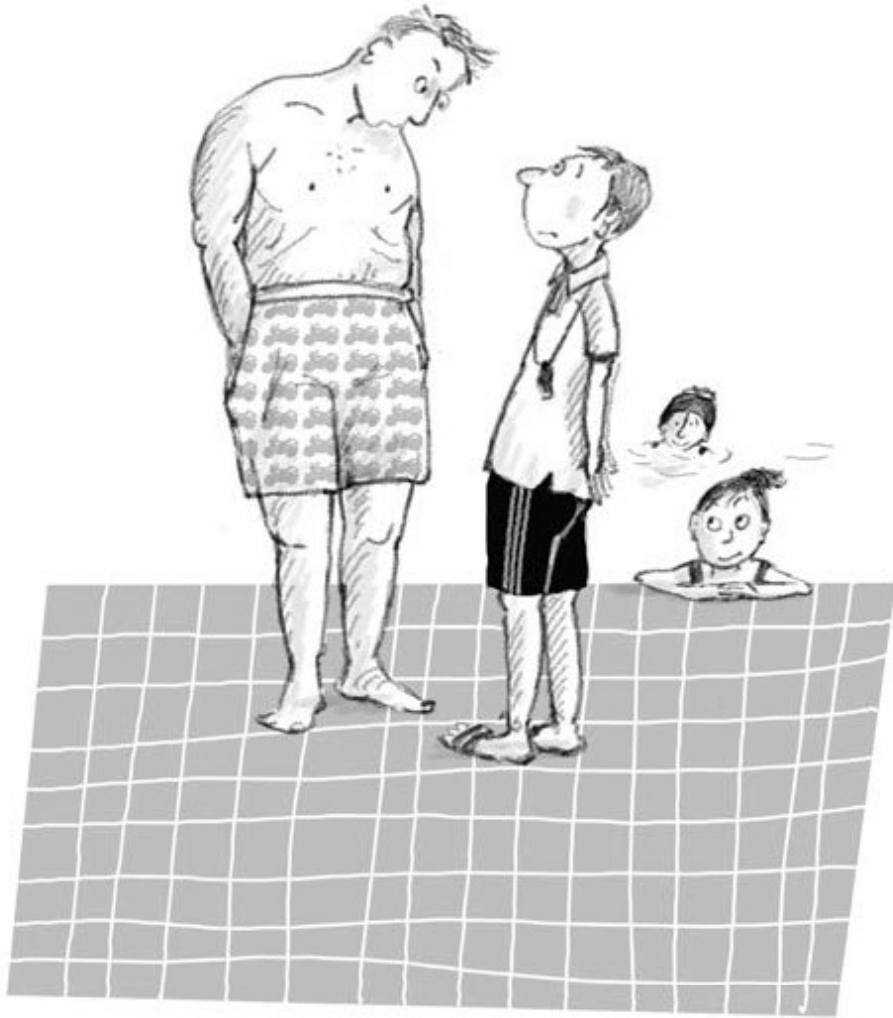
Мне даже велосипед не разрешают поставить рядом, а если я пытаюсь потихоньку потрогать мотоцикл, Эберхард выскакивает неведь откуда, как чёртик из коробочки, и, размахивая тряпкой, прогоняет меня, будто назойливую муху. С тех пор как Эберхард купил мотоцикл, без тряпки он не ходит. Подышит на чёрный лак и протрёт. Причём дышит с такой нежностью, что кажется — вот-вот поцелует.

По-моему, с тряпкой Эберхард смотрит-ся так себе.

Ростом он — в два метра. Широкие плечи, огромные ручки.

Он такой сильный, что в бассейне иногда как закинет нас с мамой на плечо — и разом швырнёт обеих в холодную воду. А когда дежурный подбежит ругаться, Эберхард просто посмотрит сверху вниз, а дежурный посмотрит снизу вверх — и ругаться ему расхочется. Это страшно удобно — быть таким большим.

Мама всегда говорит, что Эберхард может дотянуться до облаков, но это, конечно же, неправда.



— Ну можно же досочинить то, что нельзя увидеть! — заявляет мама и смеётся.

Маму, кстати, зовут Ута, но друзья дали ей прозвище Стрекоза.

— Моя маленькая сладенькая Стрекозулечка, — воркует Эберхард, и они целуются. Гадость.

Мама очень маленькая. Такая маленькая, что в булочной едва достаёт до прилавка, а в кино, уверяет она, её без документов не пускают на сеансы. Впрочем, тут уж она

немножко преувеличивает. Она у меня, конечно, маленькая, но преувеличивать большая любительница.

Наверное, потому-то ей и удалось отстоять дом.

Как бы то ни было, в тот вечер, когда я услышала шум в гостиной, она уговорила Эберхарда. Шутка ли — отдельная комната для мотоцикла, а то и две...

— Ну, раз так, надо бы завтра посмотреть этот дом, моя сладкая Стрекозулечка, — сдался Эберхард после долгих колебаний, и я натянула одеяло на голову, чтобы не слышать, как они целуются.

Почти у всех детей, которых я знаю, мамы нормальной величины. И папы нормальной величины. Да и сами эти дети тоже нормальной величины. А я вот — нет. Я вечно меньше всех. Как началось с детского сада, так и продолжается по сей день.

Эберхард, к сожалению, только второй мой папа. Поэтому, говорит мама, унаследовать его огромный рост я не могла.

Мой первый папа был таким же маленьким, как мама. Сейчас он живёт в Австралии. Это на другой стороне Земли. Когда у нас лето, у моего первого папы зима. Он уехал туда, когда я была ещё младенцем. Мама говорит, мой первый папа страдал неизлечимой

болезнью: тягой к дальним странствиям. Если человека одолеет такая болезнь, ему всё время хочется куда-нибудь уехать, желательно как можно дальше. Что ж, моему первому папе удалось забраться дальше некуда.

Ну и бог с ним, говорит мама, главное, что нам не пришлось ехать с ним.

Вечером, лёжа в постели, я иногда представляю себе, что мы с мамой всё же уехали в Австралию. Тогда я болтала бы по-английски лучше, чем наша учительница мисс Бокмюллер, а вместо летучих мышей у нас в саду водились бы настоящие летучие собаки. Но кто знает: вдруг бы я не поладила с моим первым папой — или он со мной. Вдруг бы он всё время ворчал на меня и сердился, что я не расту.

Да и какая разница. Взрослые всё равно делают что хотят, а я... я всего лишь ребёнок.



Глава вторая, в которой мама приходит в бешенство





Бабушка любит хвастаться, что найдёт меня где угодно. Дескать, она меня прямо-таки чует.

Дома у бабушки я обычно прячусь под диваном. Там же находится тайное убежище кота Муркеля. Днём он выспится как следует, а ночью выходит на мышиную охоту.

На осенних каникулах мама и Эберхард затеяли переезд. Благодарите судьбу, если вам никогда не доводилось переезжать. Потому что при переезде вечно всё теряется. Сперва зубная щётка, потом резиновые сапоги — и пошло-поехало. Иной раз что-то исчезнет — и с концами!

— Эти коробки просто-таки пожирают вещи, — жалуется мама. И уверяет, что

даже дети, бывало, пропадали при переезде. Поэтому лучше мне пока пожить у бабушки.

За окном унылый октябрьский вечерок. Из бабушкиного музыкального центра льётся неторопливая мелодия со звуками дождя.

Распластавшись по полу, я заползаю под диван. Муркель сонно косится на меня, мурчит и тут же снова засыпает.

Я чешу его толстое пузечко, и он мурлычет во сне.

Проснувшись, я слышу, что Муркель пыхтит, будто за ним гонится свора собак. Наверное, ему снится страшный сон, думаю я, но потом вижу, что глаза у Муркеля распахнуты. Он выгибает спину и пыхтит ещё громче. В комнате по-прежнему журчит бабушкина мелодия дождя. Муркель делает глубокий вздох — и вот на полу между его задними лапами появляется мокрый чёрный комок, покрытый слизью. Муркель тут же принимается этот комок вылизывать. Да так усердно, будто съесть хочет. Но тут комок пищит, и до меня вдруг доходит, что произошло. У кота Муркеля родился ребёнок! Комок — это крошечный новорождённый котёнок. Муркель слизывает липкую оболочку, в которой котёнок родился, и мигом съедает её, затем перекусывает пуповину. А я всё лежу и смотрю!!!

— Бабушка! — кричу я. — БАБУШКА-А-А!
Муркель шипит на меня. Из бабушкиной комнаты доносится звон.

— Ну вот, здарсьте пожалуйста! — сердится бабушка. — Разве можно так пугать человека? Я кокнула мою любимую чашку! Что стряслось? Пожар? Землетрясение? Конец света? Боже правый, ведь никакой нет причины так орать! Ты вообще где?

Я вижу бабушкины ноги, на ногтях блестит красный лак, — она стоит перед самым диваном. Только вот чутьё ей сегодня, видимо, отказало. Я протягиваю руку и касаюсь её ноги.

— Муркель родил котёнка!

— Что за чушь! — отрезает бабушка. — Муркель — кот, а кот не может родить!

Котёнок между тем свернулся у живота Муркеля и приник к соску.

— Бабушка, честное слово!

— Честными словами не разбрасываются! — заявляет бабушка. — Не бывает котов, которые рожают котят!

Тут Муркель опять начинает пыхтеть.

— Тогда лезь сюда и посмотри сама, — говорю я.

— Секундочку, фонарик захвачу.

Я вижу, как бабушкины ноги удаляются в сторону коридора. Муркель по-прежнему

пыхтит. Дугой выгнув спину, он упирается задними лапами в мою ногу.

Когда луч фонарика падает на Муркеля, он вылизывает уже второго котёнка.

— Господи помилуй! — восклицает бабушка. — Он же его не сожрёт?!

Я хихикаю.

— Да нет, бабушка, Муркель его просто моет.

— Ох, да там ещё один, какая прелесть! Бабушка пытается залезть под диван.

Чтобы вы знали, бабушка всего на две головы выше меня, зато круглая, как гимнастический мяч. Но гимнастические мячи под диван не пролезают — это даже малыши в детском садике знают.

Бабушка кряхтит от натуги.

— Не надо, бабушка, пожалуйста! — прошу я. — Если ты застрянешь, я тебя не вытащу!

— Муркельчик, иди сюда, — сюсюкает бабушка, пытаясь пропихнуться под диван как можно дальше. — Кис-кис-кис, Муркелюша, ну иди же!

Но Муркель так же мало слушает бабушку, как бабушка меня, — и беда не заставляет себя ждать.

— Ох, деточка, — кряхтит бабушка тоненьким голоском. — Деточка, я, кажется, застряла.

Поверьте, чего я только ни перепробовала, чтобы вызволить бабушку. Я тянула её за ноги. Я пыталась приподнять диван, но все мои усилия были тщетны. Диван слишком тяжёлый, а бабушка застряла крепко, как пробка в бутылке. Муркель тем временем родил ещё двоих котят. Но этого я уже не видела — пришлось помогать бабушке.

Мама рассвирепела, когда я ей позвонила.

— Быть этого не может! — возопила она. — Что за шуточки? Вы там все рехнулись? Немедленно дай трубку бабушке!

Я молча сунула телефон под диван. Бедная бабушка: мама завелась не на шутку. А когда мама завелась, она кричит так, что уши в трубочку сворачиваются.



— Ты там что творишь? Передо мной стоят люди и спрашивают, какую коробку в какую комнату нести, а тебе больше заняться нечем, кроме как застревать под диваном? И не надо мне рассказывать эти бредни про кота... Отродясь не слыхала более дурацкого оправдания! Я даже в детстве — и то лучше врала!

И мама просто бросает трубку.

Я заползаю к бабушке под диван, и мы вместе любимся кошачьим чудом.

— Ну что ж, похоже, наш Муркель вовсе не кот, — бормочет бабушка.

Проходит какое-то время — и раздаётся звонок в дверь.

— Так, ну и где тут у нас застрявшая бабуля? — осведомляется Эберхард.

Тридцать секунд спустя бабушка снова твёрдо стоит на своих двоих, ногти блещут красным лаком. Она молча идёт на кухню, приносит коробку, кладёт в неё старую подушку и стелет мягкое полотенчко.

— Эберхард, голубчик, тебя не затруднит ещё разок приподнять диван? — щебечет она. — Будь добр, передвинь его на метр к стене.

Эберхард набирает в грудь побольше воздуха и подхватывает диван. Когда он ставит



его на пол, Муркель с четырьмя котятами уже лежат в коробке.

— Чёрт возьми! — Эберхард качает головой. — Да у вас тут и впрямь кот разродился! Когда я расскажу Стрекозуле...

— Лучше не надо! — перебиваем мы с бабушкой хором.

Вечером мама позвонила и извинилась за то, что наорала на бабушку.

— Стресс, нервы, всё вот это... — сказала она. — Не сердись, прошу, ну пожалуйста!

Это лучшие каникулы в моей жизни. Мы с бабушкой изо дня в день наблюдаем, как котята становятся всё круглее и пушистее.

Когда они отрываются от Муркелевых сосков, их можно взять в руки и понюхать. Честное слово, ничто не сравнится с запахом новорождённых котят. Они пахнут тёплым молоком и немножко кошачьей слюной.

Бабушка купила для Муркеля самый дорогой корм и сто пятьсот раз нащёлкала котят на телефон. А сегодня она мне кое-что пообещала.

Хотя мама это кое-что точно не разрешит.
Бабушка пообещала мне котёнка.

— Предоставь это мне! — заявила бабушка. — Уж я до твоей мамы достучусь!

Я постаралась особо не радоваться, потому что всё равно ведь ничего из этой затеи не выйдет.

Но «особо не радоваться» у меня не особо и получается. Я ужас как радуюсь, только про себя.

Взрослые же всё равно делают что хотят, а я... я всего лишь ребёнок.

